

Неделя, 1983,

нояб., №47.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА

ЖИВОЙ ГОЛОС УТЕСОВА

Принято считать, что у модной эстрадной песни, что называется, у шлягера, короткий век.

Но вот фирма «Мелодия» выпускает три долгоиграющие пластинки под общим названием «Памяти Леонида Утесова», и оказывается, что мемориальный характер издания ничуть не сообщает модным некогда песенкам и песням музейного оттенка, а увлечение музыкальным «ретро» само по себе не объясняет ни современного к ним интереса, ни свойственной им поразительной жизнестойкости.

Кто не знает Утесова? Была ли на советской эстраде фигура более известная, более яркая, более классическая, скажем, нежели доживший почти до девяноста Леонид Осипович Утесов? Комический актер, пародист, автор фельетонов, музыкант. Основатель, руководитель и душа прославленного коллектива, именовавшегося в разные годы и теаджазом, и джаз-оркестром, и джазом просто, и Государственным эстрадным оркестром. Певец, про которого совершенно точно было известно, что голоса у него нет, — и голос которого известен в каждом населенном пункте нашего Отечества. Что еще сказать об Утесове? Что может прибавить к его образу, к его легенде коллекция «старинных новинок», которые, кстати сказать, так любил герой одной из ранних утесовских песен дядя Эля?

Дистанция прожитых лет уточняет меру объективности. «Старинные новинки» в невольном сравнении с новинками современными обретают дополнительные достоинства. Они отражают эпоху, а исполнитель их ее выражает, каждую песню возводя в перл музыкальности и артистизма, в отдельный исполнительский, концертный номер. Пустых номеров у Утесова не было никогда. Вот песенки его дебюта. Их тексты откровенно незадачливы, и в незадачливости своей почти пародийны, их мелодии расхожи до такой степени, что, вероятно, казались знакомыми уже самым первым их слушателям. Вы можете усмехнуться с высоты своего просвещенного вкуса магнитофонной эпохи, но через секунду скептическая усмешка слетит с губ, уступив место улыбке простодушной радости. Так будоражит, «заводит» вас эта бойкая мелодия, столько живого, теплого веселья в виртуозных скрипичных пассажах, столько напора, оптимизма, жизненной силы в утесовском, не поддающемся никаким музыковедческим терминам голосе.

Поэт, сказал Гёте, должен иметь происхождение, должен знать, откуда он. К артисту это относится в неменьшей степени. И если в годы войны Леонид Утесов достиг высот патетики, если, оправдывая предсказания Бабеля, доказал «великую серьезность» своего «несерьезного» жанра, если действительно стал артистом, чьи песни ежедневно были необ-

ходимы народу, как бойцам — вести из дома, а их семьям — письма с фронта, то очевидно, что истоки такой народности надо искать уже в самых первых утесовских песнях. В стихийной демократичности его таланта, в умении слушать мелодию улицы, окраины, свадеб и проводов, в способности всегда оставаться самим собою — артистом, ощущающим народную душу в процессе ее музирования и становления. Вот почему Леонид Утесов так любил песни, называемые гражданскими. Вернее, умел подымать до высот гражданственности элегические мелодии и лирические тексты. Он чувствовал, что истинная гражданственность передается биением сердца, а не боем барабана, он знал, что причастность к судьбе страны требует не столько усилия голосовых связок, сколько напряжения душевных сил.

Я рассказывал о счастливом приобретении памятных пластинок по меньшей мере полутора десяткам знакомых.

И каждый из них спрашивал:

— А «Одессит-Мишка» там есть?

— А «Луч луны упал на ваш портрет»?

— А эта самая... «У меня есть тоже патефончик»?

— А «Ласточка-касаточка»?

Перечислялась добрая сотня песен. Причем стоило лишь напеть про себя мелодию, промурлыкать себе под нос одну, особо запомнившуюся репризную строчку, как из глубин памяти сами собою возникали четверостишия текста, вы никогда в жизни не учили их специально, и вот, поди ж ты, запомнили на всю жизнь. Вместе с голосом, который их пел, — таким знакомым, таким хриплым, исполненным лиризма, юмора и доброты.

Ан. МАКАРОВ.